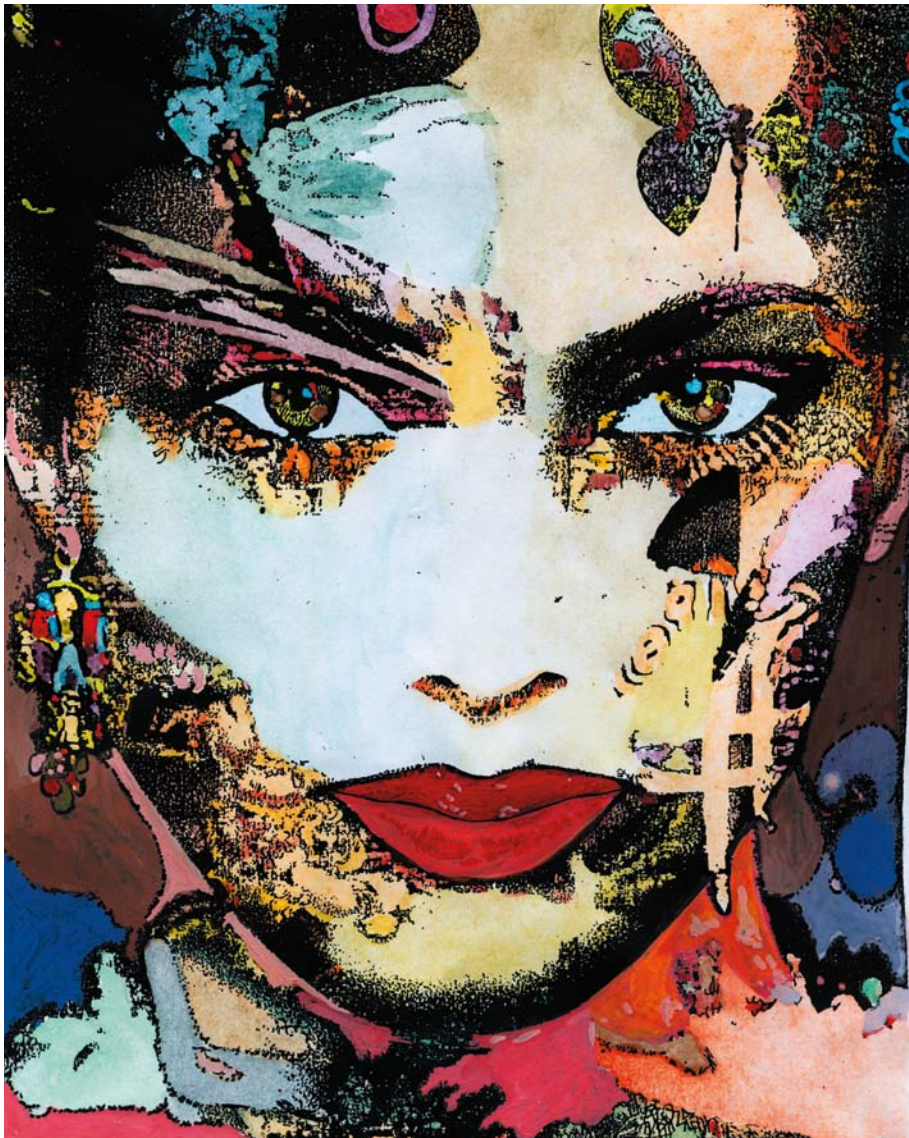

С М Е Н А

№2 ФЕВРАЛЬ

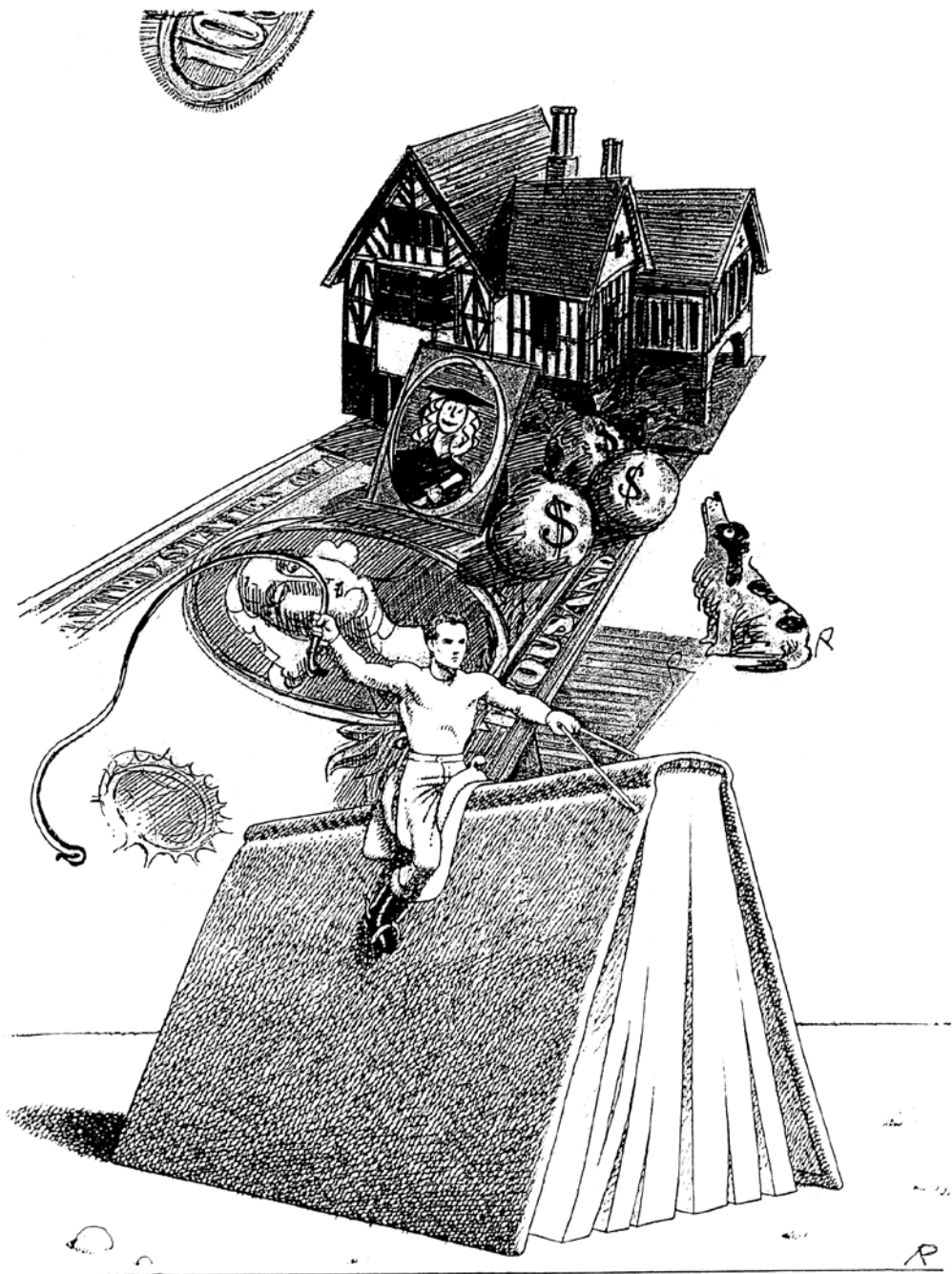
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

2011

© издание эффицировано

№2 февраль 2011

Эллис Бутлер

Красный шнурок

I

Я не видел Перкинса с полгода, и мне уже становилось скучно. Надоело сидеть в своей конторе и целый день щёлкать ножницами, отхватывая купоны акций. Хотелось горячей деятельности, приключений, и я знал, что если отыщу Перкинса, у меня будет и то и другое. Я горел желанием строить разные планы, пускаться в авантюры, а никто во всей Америке не обладает таким гениальным нюхом на этот счёт, как Перкинс.

И, представьте себе, в эту самую минуту на пороге моего кабинета показался Перкинс!

— Перкинс, — обратился я к нему, как только он положил ноги на мой письменный стол, — я устал. Изнервничался. Я жду тебя уже больше месяца. Хочу придумать что-нибудь такое, на чём можно было бы зашибить деньги.

— Я с тобой заодно, — сказал Перкинс. — Какие планы?

— Никаких, — ответил я печальным голосом. — В этом-то вся беда. Сижу целыми днями, пытаюсь придумать что-нибудь, но ничего у меня не выходит. Думаю, во всём нашем

обширном мире не осталось ни одного плана, которого бы кто-нибудь не обдумал раньше меня.

Перкинс замахал руками и воскликнул:

— Дружище! Их миллионы! Их тысячи вот здесь, в твоей конторе! Ты спотыкаешься о них, сидишь на них, ходишь по ним. Планы? Всякая вещь — план! Нет такой вещи, из которой нельзя извлечь денег!

Я недоумённо пожал плечами.

— Да, может быть, для тебя это так. Но ты ведь гений! Дай ход своей гениальности. Неделя сроку тебе на разработку какого-нибудь основательного коммерческого проекта.

Перкинс энергично сдвинул шляпу на затылок и с грохотом сбросил ноги со стола на пол.

— Зачем откладывать? Время — деньги! Подай мне что-нибудь со своего стола!

Я посмотрел в одно из отделений для бумаг и вытащил оттуда клубок розовой ленты. Перкинс начал рассматривать его с величайшим интересом, потом серьёзно спросил:

— Что это?

— Это, — сказал я, улыбаясь, ибо знал, что что-то необыкновенное уже формировалось в его мозгу, — это клубок розовой ленты, который я купил в магазине «Всё что угодно за десять пенсов». Мне продала его молоденькая барышня в белой кофточке. Я заплатил...

— Довольно! — вскрикнул Перкинс. — Что это такое?

Я с любопытством взглянул на ленточный клубок, стараясь увидеть в нём что-нибудь необыкновенное, но так и не смог: он был для меня простым клубком розовой ленты. Я так и ответил Перкинсу.

— Вот где разница между посредственностью и гением! — важно заметил Перкинс. — Посредственность всегда увидит обычный клубок розовой ленты, а гений — клубок «Красного шнура», — он откинулся на спинку кресла и победоносно посмотрел на меня. Затем, приподнявшись, схватил ножницы со стола и начал отхватывать небольшие куски ленты. — «Красный шнурок»! На какие размышления он тебя наводит?

Я сказал ему, что он наводит на размышления о коробке шоколадных конфет. Я часто видел именно такие ленточки на кондитерских покупках.

Перкинс презрительно усмехнулся.

— Конфеты, шоколад... Нет! Тайна! Кровь! «Красный шнурок»! Убийство! Удушение! Следы! «Красный шнурок»! — он дико размахивал руками, по-видимому, будучи не в состоянии выразить то, что ему хотелось сказать.

— Звучит как название книги, — сказал я.

— Великолепно! — воскликнул Перкинс. — Роман! Роман! Представь себе: «Красный шнурок» напечатано красными сжатыми буквами на белом фоне! — натянув шляпу на глаза, он широко распростёр руки и пробормотал: — Представь себе слова «Красный шнурок», написанные ярко-красными буквами на чёрном фоне и перевитые красным шнурком, извивающимся, как змея. Представь себе эти слова, написанные чёрным по белому, с протянутым через всю вывеску красным шнурком!

— Обложка книги, — мечтательно продолжал Перкинс, — будет белая, безукоризненно, девственно белая, буквы — чёрные, а шнурок — красный! Каждый экземпляр будет продаваться в белом футляре, перевязанном красным шнурком! — он закрыл глаза и закинул голову назад. — Толстая книга с иллюстрациями и необрезанными краями. Глубокие, таинственные иллюстрации! Тени и мрак! Полтора доллара во всех книжных магазинах! — открыв глаза и поправив шляпу на затылке, встал и начал натягивать перчатки.

— Ты куда? — спросил я.

— Заключать договоры с газетами и журналами! Договоры на объявления. Мы должны двинуть «Красный шнурок». Должны широко разрекламировать его! — он вышел и закрыл за собою дверь.

Я думал, что Перкинс уже ушёл, но неожиданно его голова просунулась в дверь:

— Золотой обрез! Первое издание — миллион экземпляров! — с этими словами он окончательно исчез.

II

Спустя неделю Чикаго и почти все города Соединённых Штатов были залеплены плакатами и вывесками: «Красный шнурок». Перкинс знал толк в рекламе, таинственное название возбудило необыкновенный интерес. Это старый приём, но очень практичный. Кроме этих двух слов, на вывесках и на плакатах больше ничего не было, никакого упоминания о том, к чему относится этот «Красный шнурок». Перкинс просто бросал в публику слова,

предоставляя им интриговать читателя, и всякое новое объявление только ещё больше разжигало интерес.

Когда мы заключали договоры с журналами (в каждом популярном журнале мы взяли по целой странице), издатели те-рялись, к какому разряду отнести наше объявление. Иногда оно появлялось в отделе консервов, иногда в автомобильном отделе, иногда на страницах, отведённых паровым котлам. И только один издатель напечатал его в книжном отделе — должно быть, по ошибке.

Но реклама оставалась рекламой, и Перкинс работал не покладая рук. Он напрягал свой изобретательный ум, изыскивая пути и возможности наибольшего влияния на публику, и был настолько занят внешним видом книги, что совершенно забыл о её содержании.

Однажды Перкинс пришёл ко мне в контору с небольшим прямоугольным плоским свёртком в руках. Развернув свёрток, поставил на стол коробку от сигар — намеченную модель переплёта для «Красного шнура». И тут я напомнил ему, что не мешало бы подумать и о самой книге, а не только о её рекламе и переплёте.

— Перкинс, не думаешь ли ты, что пора уже запастись романом, его словесным содержанием?

Мой вопрос, казалось, огорошил его. По его лицу было видно, что он совершенно забыл о том, что читателю помимо переплёта нужен ещё какой-то материал для чтения. Но он быстро оправился от своего изумления.

— Как же! Всё в своё время. Достать роман — пустяки! Подойдёт любой. Но я ничего не смыслю в литературе и уже целый год не брал ни одной книжки в руки. Ты должен сам достать роман.

— Но я уже лет пять не брал книг в руки! — воскликнул я. — И тоже ничего в них не смыслю. Не представляю, где можно достать роман.

— Надо поместить объявление! — нашёл выход Перкинс. — Через объявление всё можно получить. Предложим премию — тысячу долларов за лучший роман. Думаю, есть тысячи ненапечатанных романов.

Перкинс оказался прав. По его совету я поместил объявление и убедился, что действительно имеются тысячи ненапечатанных романов. Они доставлялись в мою контору корзинами и фургонами. Романы всех сортов: исторические и истерические, юмористические и неврастенические, и в очень большом количестве! Прямо удивительно, как много можно получить готовых романов по одному

газетному объявлению! Я честно прочитал парочку, но я не знаток этого дела. Перкинс предложил простой выход — тянуть жребий, чтобы решить вопрос.

В самом деле, какая разница? Не всё ли равно, о чём говорится в романе? Название «Красный шнурок» подходит к любой книге. Это прекрасное и в то же время ни к чему не обязывающее название может означать преступление, сковывающее двух преступников, или связь между возлюбленными, или кровное родство незаконных брата и сестры, или, наконец, может служить просто хорошей мистификацией.

Ближайшим утром мы получили очередную рукопись, перевязанную красной ленточкой. Сочтя это хорошим признаком, остановили на ней свой выбор. Перкинс заявил, что ленточка служит достаточным оправданием придуманного нами названия книги. Все дела он предоставил вести мне, и я написал автору, приглашая его явиться ко мне в контору. Автором оказалась молодая девушка. Наше свидание носило сдержанный характер. Я не знал, как нужно разговаривать с писательницей. Мне казалось, что мои выражения, вполне пригодные в коммерческих сделках, могут произвести дурное впечатление на литературную персону, и поэтому, чтобы не выдать себя, очень осторожно подбирал слова.

Мисс Роза Белль Винцент нервничала не меньше меня. Она всё время собиралась уходить. Я приписал эту нервозность тому обстоятельству, что ей, по-видимому, редко приходилось иметь дело с издателями, которые платят за рукопись тысячу долларов вперёд.

Она оказалась совсем не такой, как я представлял. Даже без очков. Её можно было принять за машинистку.

Я боялся, что она начнёт «литературный» разговор об Ибсене и Горьком, и тогда я сразу сел бы в калошу, но она, к счастью, не обмолвилась о литературе ни словом. И я также боялся перейти к разговору о гонораре, полагая, что ум такой персоны должен заниматься более благородными вещами, но потом увидел, что тут она оказалась менее скромной, чем в разговоре по поводу её книги.

— Ну, вот, — сказал я, как только она уселась в кресло, — мы решили приобрести у вас ваш роман. Можете ли рекомендовать нам его как вполне приличное и интеллигентное произведение?

— А вы разве не читали? — спросила она, немного удивившись.

— Не-ет, — пробормотал я. — Во всяком случае, пока нет.

Собираюсь прочесть его, как только появится свободное время.

Видите ли, мы очень заняты сейчас, страшно заняты. Но если вы можете поручиться, что ваш роман действительно первоклассный, скажем, на манер «Векфильдского священника», мы немедленно приобретём его.

— Мне нравится ваша энергичность, — улыбнулась мисс Роза. — А чек вы мне сейчас выдадите?

— Подождите одну минуту, не так быстро. Я упустил из виду одно обстоятельство... (При этом на лице её выразилось разочарование.) Мы оставляем за собой право дать роману такое название, какое сами найдём подходящим, а также выпустить его без имени автора, анонимно. Если вы на это не согласны, можете получить свою рукопись обратно.

Её лицо опять просветлело.

— Я согласна, если это единственное ваше условие, — сказала она. — Называйте его как хотите, чем он будет анонимнее, тем лучше для скромного автора.

Когда я выдал ей чек на тысячу долларов, она ещё раз похвалила меня за мою энергичность.

III

Через полчаса после ухода мисс Розы Белль Винцент явился Перкинс, нагруженный свёртками, содержимое которых высыпал прямо на стол: пару подтяжек с никелированными пряжками, галстук, дамский пояс, пару полуботинок, рубашку, ящик сигар, пачку бисквитов и ещё полдюжины других различных предметов. Я задумчиво осматривал их, а Перкинс победоносно смотрел на меня, закинув ногу на ногу.

— Ну, — сказал я, — ты разгромил целое отделение дешёвой распродажи «Десять и двадцать центов за любую вещь»?

— Ты понимаешь, почему Перкинс велик? Почему он не какой-то Перкинс, а Перкинс из Портланда? — он поднял подтяжки и помахал ими. — Видишь? — и провёл пальцем по красной каёмке резины. Потом взял галстук и показал на красную нитку в середине рисунка. — Видишь? — постукал по красным подмёткам полуботинок. — Видишь? — и так перебрал всю коллекцию, восклицая при этом «Видишь? Какой гений! Какой дар предвиденья у Перкинса!»

Вот подтяжки «Красный шнурок». Вот ботинки «Красный шнурок». Вот галстук «Красный шнурок». Печенье «Красный шну-

рок». Перкинс и компания издаёт замечательную книгу «Красный шнурок». В первую неделю пять миллионов экземпляров расходятся без остатка. Роман переделывают в пьесу. Она выдерживает триста спектаклей. Все говорят о «Красном шнурке». Вся страна без ума от «Красного шnurка». Итог? Идёт всё, что связано с названием «Красный шнурок». Бешеный спрос. Кто получает прибыль? Перкинс и компания? Нет! Мы платим за объявления, а другие умники продают сигары «Красный шнурок».

— Жулики! — не удержался я.

— Как предупредить такое мошенничество? Есть только один способ: изобретение Перкинса. Зарегистрировать название «Красный шнурок» в качестве марки для самых разнообразных предметов. Продавать в розницу право пользования этой маркой. Десять процентов со всего, что выпускается под маркой «Красный шнурок».

— Перкинс! — воскликнул я. — Преклоняюсь перед твоим умом! Ты гений! Уже готовы договоры на всё это?

— Разумеется! Таков метод Перкинса. Кто организовал «Красный шнурок»? Перкинс. Кто заботится о прибыли предприятия? Перкинс. Перкинс всегда начеку. Всё, что попадает в поле его зрения, приносит доход.

Он заключил новые договоры с журналами на обменные объявления. Мы гарантировали пятиmillionный тираж. Мы связались со всеми фабрикантами, выпускающими товар под маркой «Красный шнурок», и выпустили купоны: собравший сто купонов получал бесплатно роман «Красный шнурок». За подтяжки «Красный шнурок» выдавали пять купонов, за каждую сигару «Красный шнурок» — по одному, и так далее.

Первого октября мы объявили в печати, что «Красный шнурок» — книга! Величайшее произведение нашего столетия! Захватывающий любовный роман! Мисс Винцент сообщила мне мимоходом, что в романе идёт речь о любви. Но чтобы быть уверенным в достоинствах романа, я послал рукопись профессору Виггинсу, в высшей степени учёному человеку. Он знает восемнадцать языков, по-египетски читает так же легко, как мы с вами по-английски. Он специалист по изучению развалин Египта и имеет несколько трудов на эту тему.

Профессор заявил, что роман очень легковесный и пустой, но со стороны грамматики довольно благополучен. Он сказал,

что никогда не читает романов за неимением времени, но, по его мнению, «Красный шнурок» — именно тот сорт чтения, за которым всегда гоняется широкая публика, совершенно не удостоившая вниманием его книгу «О некоторых династических характерных чертах гиксов». В общем, я остался вполне доволен отзывом профессора.

Для иллюстрирования романа мы пригласили одного молодого студента из Художественного института. Это было 15 октября, а выход книги был объявлен на первое ноября; рукопись уже находилась в печати, и молодой художник обещал работать день и ночь над иллюстрациями.

На следующее утро, как только я явился в контору, ко мне в кабинет вошёл мой художник. По-видимому, он хотел что-то сказать, но не решался.

— Я живу с одной девицей, — несмело начал художник, и я никак не мог понять, при чём тут его девица. Но он продолжал: — Она хорошая девушка, довольно красивая, хотя по отношению к некоторым вещам у неё дурной вкус. Она носит крикливые шляпки и любит читать бульварные романы. Поэтому вчера я дал ей почитать «Красный шнурок» в корректурных гранках.

Я кивнул головой.

— Ну и как, понравился ей роман?

— Конечно! — сказал он, но совсем без того энтузиазма, какого я ожидал. — Это её любимый роман... Не знаю, какие у вас планы, думаю, что вы сами знаете, что делаете, но я всё-таки, прежде чем приступить к иллюстрированию книги, решил спросить вас: может быть, вы дали мне не те гранки?

— Нет, это именно гранки нашего романа, — ответил я. — А в чём дело? Что-нибудь не так?

Молодой человек нервно засмеялся.

— О, нет! Но вы-то сами читали роман?

Я сказал, что не читал, так как был очень занят рекламированием книги.

— Ну, так вот, — продолжал молодой человек. — Моя девица читает разную рвань и все дешёвые романы знает наизусть. Приходилось вам читать «Тайну леди Эдли»?

— Понимаю, — сказал я. — Наш роман — продолжение того?

— Нет, — ответил художник. — Это есть именно то. Кто-то надул вас и продал вам перепечатанный на машинке экземпляр «Тайны леди Эдли».

IV

Когда я сказал об этом Перкинсу, он заметил, что каждое издательство должно иметь человека, знающего толк в книгах, хотя, конечно, самое главное — это реклама. Он добавил, однако, что мы могли бы издать «Тайну леди Эдли» под названием «Красный шнурок», так как подобные вещи случались неоднократно и раньше. Но лучше всё-таки записать тысячу долларов, уплаченных Розе Белль Винцент, в счёт убытков и поискать другой роман — что-нибудь более положительное и не такое затасканное.

Перкинс посоветовал мне телеграфно передать объявление в газету штата Индиана, и спустя два дня мы получили девяносто восемь исторических романов, принадлежавших авторам штата. Несколько из них оказались подходящими по размеру. Мы выбрали один и дали нашему художнику, чтобы он передал своей возлюбленной. Она уверила нас, что никогда раньше не читала этого романа.

Мы послали своего сыщика в Дильвиль, штат Индиана, где живёт автор, и получили о нём самый блестящий отзыв. Автор — молодой человек, только что окончивший гимназию, трезвый, трудолюбивый и в высшей степени честный. Он никогда не был в штате Виргиния, где развёртывается действие его романа, и никогда не посещал библиотеки, так как в Дильвиле нет таковой, но, по словам сыщика, он вполне подходящий молодой человек, чтобы писать исторические романы.

«Красный шнурок» имел необыкновенный успех. Мы продали наше первое издание в пять миллионов экземпляров в три месяца, выпустили второе издание в два миллиона экземпляров, а также специально иллюстрированное «воскресное» издание и дешёвое «народное» издание. Но рынок всё ещё не насыщен, и «Красный шнурок» продолжает расходиться в огромном количестве.

Прибыль, вырученную от продажи, мы решили употребить... Словом, Перкинс купил себе имение в Лэйквуде, а я — особняк в Нью-Порте. ▣

«Блохи — всё же блохи», 1928 г.

Публикация Рафаэля Соколовского